

с небольшими (названными выше) расхождениями композицию и рисунок миниатюр рассматриваемой нами рукописи.

Все это позволяет говорить об установившейся иконографической традиции, больше того, указывает на разработанность иконографии «Повести» к середине XVII столетия, но пока еще недостаточно проливает свет на ее истоки. Истоки, по-видимому, нужно искать в Муромской земле, на что указывает не только наличие икон, повторяющих иконографическую схему миниатюр нашей рукописи, но и сам состав рукописи. Наличие в ней «Жития Василия Рязанского» указывает на интересы и симпатии заказчика рукописи (и ее создателя), связанные с Муромской землей.

Прекрасный почерк XVI в., некоторый архаизм форм и композиционных решений, сам характер контуров рисунка, способ наложения акварели («в приплеск») указывают на связь данной рукописи с кругом лицевых житий XVI в. Много черт XVI в. можно усмотреть и в одежде персонажей, и в палатном письме, отчасти в расположении деревьев и горок, в том, как миниатюрист драпирует одежды, ткани, в таких «индивидуальных» деталях, как шатер и своеобразный киворий над ложем и повозкой большого Петра (миниатюры 8, 10, 19) и т. д.

Отдаленные аналогии палатного письма, некоторых деталей (как изображение лодок на миниатюрах 27 и 30 или изображение коней княжеской свиты) можно усмотреть как в некоторых листах Лицевого свода, так и в миниатюрах «Слова Иоанна Богослова на Успение»... (ВБЛ, Егоровское собр., 1844).¹⁰ С последним связывает рассматриваемый нами цикл миниатюр еще и своеобразное построение композиции многих сцен, которые по своему содержанию, казалось бы, должны были совершаться внутри жилища. Однако миниатюрист работает в традициях XVI в. Он не вводит еще действие в интерьер, а предпочитает изобразить сложный городской ансамбль и вынести на открытое пространство переднего плана этого города сцены исцеления Петра (миниатюры 13, 14, 17 и др.), подобно тому, как на улице города миниатюрист «Слова Иоанна Богослова на Успение» выносит сцены прощания умирающей Богородицы с апостолами.

Эти аналогии позволяют в поисках протооригинала миниатюр «Повести о Петре и Февронии» обратиться к кругу Грозного и даже, точнее, к маркарьевским мастерским. Помимо стилистических данных, такое обращение оправдывается и некоторыми историческими событиями. Если местное поклонение Петру и Февронии бытовало достаточно давно в пределах Муромской земли, если почитание их начало постепенно проникать и в смежные среднерусские земли, то канонизация Петра и Февронии как общерусских святых совершилась лишь в 1549 г. Таким образом, включая их в обширный создаваемый им русский пантеон, Макарий не мог не уделить столь необычному житию Петра и Февронии некоторой доли внимания. Этому особенно способствовали развернувшиеся вскоре события, связанные со взятием Казани. Муром был избран Грозным как место сбора и военная база по подготовке операций осады, а потом и покорения Казани. В Муроме Грозный делал смотр войскам, оттуда и выступил по направлению к Казани.¹¹

¹⁰ Наиболее близкие аналогии палатного письма см.: Лицевой свод Грозного (Син. 962), л. 45; ср. сцену поставления митрополита Иосафа Скрипицина и нашу миниатюру 39. См. также Остермановский том Лицевого свода (лист «И даша посадничество Михалько Федоровичю...»), а также л. 240 об. Голицынского тома Лицевого свода, где изображен брачный пир князя Василия Константиновича ростовского и др. миниатюры, содержащие, помимо аналогий палатного письма, изображения трапезы, подобные изображению на миниатюре 25 «Повести о Петре и Февронии».

¹¹ «И учал государь мыслити з братом своим со князем Владимиром Андреевичем и з бояры и с всеми воеводами, как итти к Казани и на которые места; и приговорил